



Элизабет Эссекс
Дыхание скандала
Серия «Безрассудные невесты», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606956
Дыхание скандала: АСТ; М.:; 2014
ISBN 978-5-17-080024-7

Аннотация

Антигона Престон в ярости: мать заставила ее обручиться со злобным стариком лордом Олдриджем! Хуже того, на балу, будучи уже невестой, девушка невольно оказалась в центре чудовищного скандала. Уединившись в библиотеке, Антигона намерена дать волю слезам, но тут неожиданно появляется молодой обаятельный моряк Уилл Джеллико, младший брат хозяина дома.

Уилл и Антигона страстно и отчаянно влюбляются друг в друга, они мечтают быть вместе, но разве Уилл, истинный джентльмен, сможет посягнуть на честь чужой невесты?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Элизабет Эссекс

Дыхание скандала

Пролог

*Уилдгейт-Виллидж, Суссекс
Декабрь 1814 года*

Хоть бы дождь пошел.

Холодный зимний ливень был бы под стать мучительной боли дня. Если бы шел дождь, мрачные тучи заволокли бы небо и подготовили ее к предстоявшей муке.

Если бы шел дождь, она смогла бы заплакать.

Рядом беззвучно рыдала в безукоризненно вышитый носовой платок сестра. Но Антигона Престон не плакала. Она расправила плечи и жмурилась от нестерпимо яркого утреннего солнца, желая, чтобы небеса разверзлись и пролили поток печали, равный по силе горю, сдавившему грудь, заслонили бы дождем пейзаж, представавший взору во всех подробностях.

Но желаемого не произошло.

В нескольких шагах от нее викарий открыл книгу, с его губ призрачными облачками срывались древние заупокойные молитвы, с бесполезной грацией растворяясь в холодном воздухе над кладбищем у церкви Святого Варфоломея.

– «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него»¹.
«Господь дал, Господь и взял».²

Господь взял папу, забрал чудесным утром три дня назад так внезапно, что дочь до сих пор едва сознавала это. Без него, без его мягкой логики и жизнерадостной доброжелательности Антигона, похоже, совсем не могла думать. Она могла лишь зажмуриться от неумолимого солнечного света и с разбитым сердцем сетовать на безоблачные небеса. Вместо того чтобы окутать ее печаль серым тоскливым дождем, зимнее солнце насмешливо сияло в небесах, удивительно голубых и хрустально чистых, и это ранило ее ум столь же сильно, как ранило то, что осталось от ее сердца.

– «Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась».³

Все для нее отзывалось болью и горем. Каждая заледеневшая травинка, проступавшая сквозь хрустящий под ногами снег. Каждое облачко дыхания, с горьким вздохом слетавшее с ее губ. Каждый ком земли, падавший на крышку гроба с неотвратимой окончательностью.

– «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».⁴

Для Антигоны ничего уготовано не было. Ничего. И она совершенно не готова к жизни без папы.

Когда служба, наконец, закончилась, преподобный Мартин подошел с утешениями по поводу столь внезапной и невозполнимой утраты.

Немногочисленные участники похорон – папины друзья и соседи – разошлись искать убежище от пронизывающего холода в беспмятном тепле собственных очагов. Антигона с

¹ 1-е послание к Тимофею Святого апостола Павла (6:7).

² Ветхий Завет. Книга Иова (1:21).

³ Псалом 38 (3).

⁴ Евангелие от Матфея (25:34).

сестрой Кассандрой остались в одиночестве и отправились домой, через замерзшие поля к маленькому особняку на северном краю деревни, леденящий холод предательски проникал сквозь подошвы их ботинок.

И все-таки Антигона не плакала.

Не плакала, даже когда мать в безутешном горе самым неожиданным способом предала ее доверие, в день смерти отца обручив дочь с богатым джентльменом, который в три раза старше.

Антигона не плакала. Не могла. Она была слишком поражена.

Глава 1

Не было ничего – ни предупреждения, ни знака с небес, что ее жизнь в корне переменится. Ни потопа. Ни землетрясения. Ни нашествия саранчи.

Только яркое зимнее солнце, сияющее в тихом доме так, словно это был обычный день. Словно все в Редхилл-Мэноре было по-прежнему.

Но все изменилось. Хотя холл казался умиротворяюще привычным – старинный турецкий ковер прикрывал широкие половицы, изображавшая охотничью сцену картина висела над мраморным консольным столиком, – однако раскрытый на углу стола зонтик, где его обычно оставлял папа, резал глаз напоминанием, что, хоть дом и выглядит по-прежнему, с папиной смертью все изменилось.

Заведенный порядок нарушен, привычный покой уже исчез. В камине гостиной даже не было дров, не говоря уже об огне, который прогнал бы пронизывающий до костей холод. Как ни велико их горе, жизнь должна продолжаться. И именно Антигоне придется это делать – зажигать очаги, договариваться с мясником, сажать огород.

– Поднимайся, – поторапливала к лестнице старшую сестру Антигона. – Я пришла к тебе Салли с чем-нибудь теплым.

Антигоне следовало бы мудро подчиниться обычаю – на похоронах нет места дамам благородного происхождения – и настоять, чтобы Касси осталась дома с мамой, вместо того чтобы так жестоко выставлять ее в горе напоказ. Но Касси с присущим ей великодушием не хотела, чтобы младшая сестра осталась одна, а Антигона с присущим ей упорством была абсолютно непреклонна – папа не останется один в своем последнем путешествии.

Касси поцеловала ее в холодную щеку и, слабо пожав руку, ушла в свою комнату, в это временное убежище. Для Антигоны пока не было приюта. Слишком много надо сделать.

– Антигона! – донесся тонкий голос мамы из открытой двери маленькой гостиной в задней части дома.

Антигона шла по скрипучим половицам холла, думая, что найдет мать охваченной горем, с покрасневшими от слез глазами и носом, с растрепавшимися под чепцом волосами. С того момента, когда Антигона нашла умершего папу в библиотеке, сидящего в кресле, словно он просто закрыл глаза и обдумывал занимавшую его математическую задачу, мама погрузилась в тревогу и предчувствие несчастий.

– Что с нами будет? Откуда взять деньги? – Мама причитала, плакала, приказывала погасить везде огонь, словно они больше не могли позволить себе топить дом. Словно папа был столь беспечным, что оставил их нищими банкротами. Словно его владение отберут, и они в любой момент могут стать бездомными.

Не имея реальных сведений об их финансовом положении, Антигона как могла пыталась успокоить встревоженную мать, взяв на себя все дела: приказывала зажечь огонь, договаривалась с викарием, покупала черные ленты для одежды, писала папиным коллегам-математикам и сотрудникам Кембриджского университета, Аналитического общества, Королевского научного общества, папиному поверенному в Чичестер.

Но утреннее солнце, врывавшееся в смотревшие на восток окна зеленой гостиной, освещало не растрепанную вдову с безумным взглядом, а элегантную леди в темном шерстяном платье, у которой ни один волосок не выбивался из-под черного кружевного чепца, в глазах – ни намек на красноту. Мама принимала визитера.

Лорда Олдриджа.

Большого удивления Антигона испытать не могла.

Антигона знала этого довольно сурового человека только как надменного предводителя местной охоты, который владел охотничьими угодьями и ценной сворой гончих, живущих в загоне в его поместье Торнхилл-Холл, в нескольких милях от деревни.

Антигона часто издали следила за охотой в Торнхилл, но никогда там не охотилась, поскольку дам – особенно порывистых юных леди на лошадях, более быстрых и сильных, чем у всех остальных, – активно отговаривали от охоты, если не откровенно запрещали. Знакомство Антигоны с лордом Олдриджем ограничивалось его кивком или, точнее, хмурой гримасой в качестве приветствия.

Он не присутствовал ни в церкви, ни на кладбище. Хотя папа был джентльменом, ученым-математиком, его бывшим однокашником по Кембриджу и членом престижного Королевского научного общества, семейство Престон было куда ниже заносчивого лорда Олдриджа.

Но вместо того, чтобы выразить соболезнования, как предполагала Антигона, лорд Олдридж предложил свою руку. Хотя выразил это не столь романтично.

– Дорогая мисс Антигона, – обратился он к ней с формальной вежливостью, стоя перед холодным камином. – Я поговорил с вашей матерью, все улажено. Она приняла мое предложение, и вам остается лишь сделать меня счастливейшим из мужей.

Даже ударив охотничьим стеком, лорд Олдридж не удивил бы ее больше, жгучее ощущение опалившего лица жара было точно таким же, как от удара. В трех коротких, лишенных всяких эмоций предложениях он объяснился в любви с меньшим воодушевлением, чем если бы обсуждал местоположение норы зверя, а не перспективу обрести жену.

Все улажено!

Любая другая двадцатилетняя девушка вежливо приняла бы его довольно бесстрастное предложение. Но Антигона Престон не любая и определенно не дурочка. Она дочь своего отца, ее быстрый острый ум не находил логического объяснения внезапному желанию лорда Олдриджа сделать ее своей невестой. Уж кто-кто, а она чувствовала себя как дома не в гостиной особняка, а скорее за его порогом, когда скакала на своей прекрасной кобыле или в любую погоду бродила по лесам. К тому же она не красавица – она, конечно, не уродина, но ее обычная внешность и заурядные голубые глаза меркли по сравнению с прелестной красотой Кассандры, с фиалковыми глазами сестры, – без состояния, без семейных связей, из которых лорд Олдридж мог извлечь пользу. И она в трауре.

Все это абсурдно, странно и совершенно невозможно.

– Вы шутите, – выдавила Антигона с чем-то похожим на смешок. Любой другой ответ был бы нелепым.

Мать мгновенно шикнула на нее, побледнев от ужаса и возмущившись грубыми манерами дочери.

Реакция лорда Олдриджа была более сдержанной. Он изобразил подобие улыбки, но его лицо казалось застывшей маской.

– Я редко шучу. Мы помолвлены.

Его тон, хотя и спокойный, был именно таков, как Антигона и ожидала, зная его манеру распоряжаться на охоте – уверенный, что его желания будут выполнены в соответствии с точными инструкциями.

Другие могли съежиться от страха или броситься подчиняться каждому его слову, но Антигона не постеснялась разочаровать его. Для нее невозможно принять его предложение, все ее мысли, чувства, все в ней от макушки до пят бунтовало против этого.

Антигона не обращала внимания на мать, которая, округлив глаза, подгоняла ее принять предложение со всей быстротой и готовностью.

– Это невозможно, сэр. Мы в трауре, – уцепилась она за первый и самый вежливый аргумент, который пришел ей на ум.

Быстрый ответ лорда Олдриджа продемонстрировал, что он готов к такому возражению.

– Вот именно, – подтвердил он. – И в такое тревожное время лучше всего защитить будущее.

Тревожное? На взгляд Антигоны слово «неподобающее» подходит больше. Даже она, разделявшая веселое пренебрежение отца к светским условностям, находила поспешность, с которой улажено ее будущее, отвратительной и крайне... крайне неуважительной. Она только что вернулась от свежей могилы отца.

– Я только что понесла тяжелую утрату, сэ, – начала она тоном не менее бескомпромиссным, чем его собственный. – И хотя я благодарю за оказанную мне честь, но не могу принять ваше предложение. Я должна уважать...

– Прошу вас дать моей дочери время привыкнуть к этой чести, – поспешно перебила ее мать, обретшая наконец голос. – Конечно, пока мы в трауре, об этом и упоминать нельзя. Наше... взаимопонимание останется приватным делом... – мама запнулась, – несколько месяцев. И Антигона так юна, девочке только восемнадцать. Она воспитывалась как дочь джентльмена, но ей нужно многому научиться, чтобы стать леди Олдридж и управлять таким большим хозяйством, как Торнхилл-Холл.

Очередное изумление, такое же быстрое, но только чуть менее пугающее, чем первое с его неожиданной странностью, ошарашило Антигону, выбив дух. Ей не восемнадцать. Уже два года как не восемнадцать.

Почему мама так беспардонно лжет?

Но многозначительный, почти иступленный взгляд матери пришили Антигону к этой лжи, умоляя не спорить, не бросать вызов ее хрупкому авторитету перед этим незнакомцем. Богатым, могущественным незнакомцем с влиятельными связями. Антигона если и дрогнула, то только на миг.

Немедленных возражений не последовало и, к несчастью, лорд Олдридж принял молчание Антигоны за согласие.

– Да, конечно. У вас есть время, чтобы привыкнуть. И составить необходимые планы.

Антигона проглотила резкий ответ, вертевшийся у нее на языке. Его милость сильно в ней ошибся – в ней нет приспособленчества, а единственный план, который она составит, состоит в том, чтобы убедить ее бедную, находящуюся в протрации маму в безумной неуместности этого сватовства.

– Хотя наша помолвка в силу обстоятельств должна оставаться приватным делом, – продолжал лорд Олдридж, – я организовал для вас маленький подарок. Символ моего расположения, поскольку о нашей помолвке нельзя объявить официально.

Организовал! Странная снисходительность для полного надежд жениха.

В отсутствие всяких признаков одобрения со стороны Антигоны необходимый энтузиазм выказала ее мать:

– Как вы добры, милорд.

Антигона отказывалась так легко сдаться. Если этот человек думает, что может купить ее согласие безделушкой или соблазнить подарками, то он еще сильнее ошибается в оценке ее характера.

Впрочем, оказалось, что это не просто безделушка. Подарок, который лорд Олдридж извлек из замшевого мешочка, оказался изящной траурной камеей. Он осторожно держал подвеску в форме сердца, жемчуг переливался в ярком зимнем солнце, мягко маня Антигону, продуманно завлекая в вежливое подчинение.

Резная сцена изображала классическую задрапированную фигуру, склонившуюся над траурной урной. Камея, хотя и небольшая, но выполненная с отменным вкусом, должно быть, стоила целое состояние, во всяком случае, достаточное, чтобы обеспечить семейство

Престон углем, мясом, чаем и освободить даже от воображаемых тревог по крайней мере на месяц.

Антигона уже видела, что в глазах матери блеснуло облегчение, равно как и точная калькуляция стоимости подарка. Мать двинулась вперед, влекомая обещанием такого благодеяния, пока Антигона пыталась найти подобающее возражение.

В таком подарке не было ничего неуместного, ничего неподобающего, ничего предосудительного. Любая другая его любезно приняла бы. Однако Антигона Престон была из тех, кто заглядывает в рот дареному коню и проверяет все зубы до единого.

Она тщательно подбирала слова.

– Я польщена, сэр. И высоко ценю продуманность такого подарка. Но все запрещает мне принять его.

Лорд Олдридж сделал странное движение ртом, довольно поджав нижнюю губу, словно сопротивление невесты скорее тайно радовало его, чем раздражало.

– Я уважаю ваши моральные принципы. Но должен настаивать.

Такое откровенное заявление заслуживало столь же незавуалированного возражения.

– И я тоже. – Тон ее был резким, но этому человеку лучше знать, что она не безмозглая курица, которую можно легко одурачить или запугать, тем самым добившись согласия. И, возможно, несговорчивостью она достигнет того, чего не сумела сделать возражениями.

Мать ахнула от ее дерзости.

– Антигона, – предостерегающе пробормотала она и схватила ее за локоть. – Ты принимаешь подарок. Поступить иначе, значит, оскорбить сердечную и искреннюю память о твоём отце.

Папу несколько не заботила бы показная сентиментальность траура, но горе Антигоны было слишком свежим и слишком огромным, чтобы проявить хотя бы видимость неуважения к его памяти. Не оставалось ничего другого, кроме как принять подарок.

– Спасибо, сэр. – Ей пришлось потрудиться, чтобы голос прозвучал твердо. – Прошу простить, если я показалась неблагодарной.

– Ну вот. – Мама обрела какое-то подобие душевного равновесия. Потрепав Антигону по руке, она повернулась к лорду Олдриджу и подбодрила его кивком и улыбкой. – Ты должна позволить его милости привилегию надеть на тебя подвеску.

Антигона от природы не была послушной, но когда мать рядом, мало что можно сделать, чтобы помешать лорду Олдриджу, который встал позади и склонился над ее плечами, надевая подвеску.

Еще меньше она могла удержаться, чтобы не дернуться, не подскочить, когда сухие пальцы лорда Олдриджа задели ее кожу, застегивая замочек. Словно паук пробежал по ее шее.

Мгновение, не больше. Но было такое ощущение, словно он... пробует ее на ощупь. Так в первый раз запрягают лошадь в карету. Как странно. И неприятно.

Антигона быстро отступила, но неприятное ощущение от его собственнического прикосновения не покидало ее.

Впервые в жизни она была сбита с толку и не знала, что сделать или сказать, чтобы восстановить самообладание. Подвеска с цепочкой была изящной и маленькой, но повисла на ее шее тяжелым грузом, непропорциональным весу, и давила на грудь как ярмо, достаточно тяжкое, чтобы заставить пульс зашпешить.

Лорд Олдридж, со своей стороны, похоже, обрел хладнокровие и твердость. Его рот сложился в настоящую, хоть и кислую улыбку, словно он был доволен результатами своего маленького испытания.

– Подарок, мисс Антигона, состоит из двух частей. Первая даст вам возможность думать о своём отце. Вторая, надеюсь, заставит вас думать обо мне.

И лорд Олдридж подал ей старинное кольцо с «глазом возлюбленного»⁵ – маленькое эмалевое изображение его левого глаза, сделанное в давние дни, когда такие символы любви были в большой моде, когда волосы его были каштановые, а не седые, и щеки не такие впалые, как сегодня.

Хотя подобные подарки когда-то считались изысканными, Антигона находила его отвратительным – это слишком интимный подарок для человека, с которым она только что познакомилась. Как он изворотлив, что добавил эту интимную и неприемлемую вещь к совершенно благопристойной траурной камее. Изворотлив и дьявольски умен.

– Я заказал кольцо давно, на континенте, во время гранд-тура, и все эти годы хранил его как память.

– Оно прелестное, милорд. – Мать поспешно сказала то, что не могла выдать из себя Антигона. – Правда, замечательный подарок, Антигона?

Антигона могла только догадываться о возрасте лорда Олдриджа, но его гранд-тур состоялся по меньшей мере двадцать пять, если не тридцать пять лет назад, поскольку всю жизнь Антигоны Англия по той или иной причине воевала с Францией. И только недавний мир снова сделал поездки на континент безопасными.

– Оно, должно быть, очень старое.

Мать снова сильно сжала локоть Антигоны, удержав от дальнейших прямолинейных комментариев.

– Я уверена, Антигона почтет за честь носить такой знак вашего расположения, – сказала она.

Антигона, со своей стороны, совсем не была в этом уверена.

Но лорд Олдридж, сколько бы ему ни было лет, не вчера родился. Его гордость требовала, чтобы последнее слово осталось за ним.

– Маленький сувенир, моя дорогая Антигона, с тем, чтобы вы знали, что, хоть наше соглашение не афишируется, я присматриваю за вами.

Когда его пристальный оценивающий взгляд прошелся по ней, словно сухая змеиная кожа, Антигона испытала всю полноту отвращения – холод, обдавая морозом, заскользил по ее коже, как вьюга по льду замерзшего пруда.

«Нет!» – хотелось закричать ей. Нет, нет, нет! Даже через сто лет. Никогда.

Ей хотелось сорвать подвеску, швырнуть ему кольцо и сказать, что именно он может делать со своим проклятым «глазом».

Но она этого не сделала. Она стояла посреди гостиной в оцепенении, застывшая, как надгробные статуи на кладбище, и хотела, чтобы вернулся отец. В молчании она с изумлением наблюдала, как лорд Олдридж и мать устривают ее будущее.

– Миссис Престон. Еще раз благодарю, что уделили мне время, мэм. – Лорд Олдридж повернулся и очень официально поклонился Антигоне. – Надеюсь, я увижу, что вы носите мой подарок, когда мы встретимся в следующий раз. До тех пор...

Ему даже не нужно было заканчивать предложение. Слова зашелестели у Антигоны в голове, словно он прошептал их ей на ухо. «До тех пор я буду наблюдать за вами».

С этим он вышел из гостиной, потом из притихшего дома. Оставив за собой безмолвное отчаяние.

⁵ Будущий король Георг IV и его возлюбленная Мария Фицгерберт обменялись миниатюрами, на которых были изображены только глаза, чтобы сохранить свои отношения в тайне, поскольку по таким изображениям влюбленных нельзя было узнать. Подобные миниатюры в виде колец, подвесок, брошей, браслетов вошли в моду с конца XVIII века и стали очень популярны.

Глава 2

Мать рухнула в кресло и провела руками по лицу, словно разговор истощил ее и без того подорванные силы. Как будто это ее, а не Антигону, только что продали человеку, которого она не могла даже терпеть, не говоря уже о том, чтобы полюбить.

Человеку, который вызывал в ней чувство, близкое к страху, если не откровенную тошноту.

– Мама! – Она знала, что мать едва держится, пытаясь справиться со страхом будущего и потерей, но события дня выжали из Антигоны всю мягкость. – О чем ты думала? Ты должна знать, что я никогда не обручилась бы с лордом Олдриджем. Меня не волнует, что он богат. Все деньги мира не склонят меня принять такого человека. Это невозможно. И сегодня не время для брачных предложений. Папа еще в могиле не остыл.

– Ох, Антигона. – Лицо матери начало морщиться. – Не будь такой жестокой. – Она скомкала мокрый носовой платок.

– Я не собираюсь быть жестокой, но как, по-твоему, я себя чувствую? Или мои чувства не в счет?

– Как я могла отказать? – ответила вопросом на вопрос мать. – Он – лорд Олдридж, и явился просить твоей руки. Я чувствовала, что мой долг – принять его предложение. Когда все... не смотри на меня так... да, когда все нарушилось, мы не можем себе позволить поступить иначе. Кто знает, будет ли у нас завтра крыша над головой. Что станет с нами, если придется покинуть этот дом?

– Мама, у нас нет причин покидать дом. – Антигона старалась сдержать нараставшую досаду. – Он оформлен на папино имя.

– Но Редхилл – это подарок его дяди, лорда Байуотера. Свадебный подарок. Мы пользовались им все эти годы. И теперь Байуотер может забрать подарок назад.

– Не может, мама. Но я написала и папиному поверенному в Чичестер, и папиному кузену, лорду Байуотеру, чтобы убедиться в этом. – Антигона объясняла это, кажется, уже в пятый раз. – Ты не должна позволять горю подавлять логическое мышление.

– Не говори мне о логике. Как я могу успокоиться, пока не узнаю наверняка? И как я могла отказаться от такого предложения лорда Олдриджа?

По крайней мере они вернулись к делу.

– Потому что это абсолютно бессмысленно.

– Уж конечно, в этом есть смысл. Ему нужна жена. – Мать излагала свои аргументы так, словно они очевидны и не требуют пояснений. – Ты привлекла его внимание.

– Но почему, мама, почему? – Антигона с досадой всплеснула руками. – С чего такой старый, богатый джентльмен, привыкший поступать по-своему, захотел в жены именно меня? Гарантирую, что прежде он на меня ни разу не взглянул, если не считать критики моей манеры ездить на Резвушке.

Это на ее старшую сестру Кассандру с ее темными волосами, сияющими фиалковыми глазами, фарфоровой кожей и розовым ртом всегда засматривались, во всяком случае, один доморощенный поэт слагал в ее честь восторженные оды. А если кто-то и восхищался Антигоной, то за ее искреннюю непосредственность и веселый нрав. Характер она унаследовала не от матери.

– Его милость не одинок в своей критике, – фыркнув, сказала мать. – Ты едешь на кобыле слишком быстро для всеобщего покоя и, прежде всего, для моего. Половина округа уверена, что ты угодишь в беду, я живу в постоянном ужасе, что ты убьешься и оставишь меня одну. Не знаю, что я буду делать, если небеса отберут у меня и тебя. – Прикрыв лицо платком, она шумно всхлипывала.

Не оставалось ничего другого, кроме как заключить маму в утешающие объятия.

– Ну-ну, – успокаивала Антигона. – Я не безрассудная, мама, – уверяла она. – Я вполне способна справиться с Резвушкой, и на ней я в большей безопасности, чем в кресле-качалке. Но, мама, если ты не хочешь, чтобы меня у тебя забрали, почему ты согласилась на предложение лорда Олдриджа?

Мать покачала головой и отстранилась, чтобы промокнуть лицо уже мокрым носовым платком.

– Ты не понимаешь.

– Очевидно. – Антигона растирала тонкие руки матери, чтобы немного согреть их. – Но тебе не нужно тревожиться. Я не уйду. Из дела с лордом Олдриджем ничего не выйдет, поскольку мы совершенно друг другу не подходим. Боже милостивый, да он так стар, что годится мне в деда.

– Нет. – Несмотря на рыдания и слабость, мать с упорством спорила с ней. – Нет ничего плохого в том, что зрелый джентльмен ищет молодую жену. Как еще он получит наследника?

Перспектива подать лорду Олдриджу чашку чаю имела такую же привлекательность, как необходимость продирается сквозь кусты колючей ежевики, но мысль подарить этому человеку наследника – в конце концов, Антигона была сельской барышней и прекрасно знала механизм этого дела, – вызвала столь невообразимое отвращение, что и обсуждать нечего.

– Мама, он древний. Ты должна понимать, что я не могу.

– Почему ты не можешь? Он не так стар и стареет исключительно красиво, он почти так же хорош, как был когда-то. Видела бы ты его в свое время! Тебе только и нужно, что взглянуть на кольцо. – Мать указала на зажатый в кулаке Антигоны подарок лорда Олдриджа. – Он мог жениться на любой женщине, на какой пожелал бы. Но он этого не сделал. Думаю, отсюда до Лондона осталась масса разбитых сердец. И теперь он выбрал не кого-нибудь, а именно тебя. Зачем тебе задирать нос? Почему ты должна сомневаться в такой фортуны?

Потому что Антигона не желала играть роль племенной кобылы даже для такого красиво стареющего охотника, как лорд Олдридж. Правду сказать, она себе представить не могла, что делает это. Даже ради наследника. У нее мурашки побежали при воспоминании о сухих, как змеиная шкурка, пальцах лорда Олдриджа. Она не могла представить себя в холодных мраморных коридорах Торнхилл-Холла или в лондонском доме. Потому что, описывая ее, чаще всего произносили слово «бойкая», а не «рафинированная» или «элегантная», что было присуще самому лорду Олдриджу и что ему следовало желать в жене. В этом нет абсолютно никакого смысла.

– Потому что он не может желать именно меня.

Но мать это не тронуло. Она сделала очередной заход, чтобы настоять на своем:

– Почему ты думаешь только о себе? А как насчет твоей сестры?

Необходимость защищать и опекать Кассандру была старой маминой уловкой, и вдвойне несправедливой, поскольку Антигона думала о сестре. Думала постоянно. Антигона годами была стойким защитником Касси, буфером, оберегавшим сестру от мира, с того дня, когда десять лет назад расквасила нос Билли Ландтрапу, за то что он насмеялся над заиканием Касси. Ну и потасовка тогда вышла! Билли был выше и старше по меньшей мере на три года. Но Антигона в тот день всем дала понять, что любой, кто дразнит ее сестру, будет иметь дело с ней, бойкой, задиристой, упорной Антигоной Престон, и так дело обстояло до сих пор.

– А что с Касси? Но коли уж ты о ней упомянула, почему лорд Олдридж хочет меня, а не Кассандру? Она и старше, и гораздо красивее. Не то что бы я желала ей в спутники такого человека, его взгляд слишком расчетливый и оценивающий, но наверняка такой влиятельный лорд хотел бы иметь красивую жену. Почему он выбрал меня?

Мать пожала плечами, ее интересовало не логическое упущение лорда Олдриджа, а результат.

– Понятия не имею. Он не говорил о ней. Он сделал предложение тебе. И потом, Кассандра создана для лучшего.

Беспечные слова ударили, словно лошадь – копытом в грудь. И у Антигоны перехватило дыхание от новой боли.

– А я нет?

Слишком погружившаяся в собственные эмоции, чтобы учитывать чужие, мать отмахнулась от ее оскорбленных чувств носовым платком.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Антигона. Ее он прожевал бы и выплюнул, но ты... ты достаточно сильная, чтобы противостоять ему. Кассандре, с ее красотой, следует выбирать из самых значительных людей и не только в нашем затхлом уголке Западного Суссекса. И она могла бы выбрать, если бы ее видели.

– Если бы она хотела быть на виду. Но она этого не хочет, мама, и ты знаешь, что попытки заставить ее добиться светского триумфа лишь усиливают ее скованность, а с ней и заикание.

– С тобой дома она не заикается. – Мать схватила ее за руку. – Ты должна помочь ей и заставить хотя бы попытаться быть более общительной. Разве ты не понимаешь? Это наш шанс.

– На что?

– На лучшее. Увидеть, что Кассандра вышла замуж так, как того заслуживают ее красота и кроткая натура. Это первый шаг.

– Лорд Олдридж?

– Да! Поскольку ты обручена с ним, мы сможем вращаться в более высоких кругах. Нас станут приглашать в Торнхилл-Холл, а потом – в лучшие дома округа. – Впервые за несколько дней глаза матери вспыхнули, в них появился проблеск цели. И решительность. Теперь, когда она закусил удила, ее не остановить. – Мы должны убедить лорда Олдриджа дать бал. Весной лорд Олдридж поедет в Лондон на светский сезон. Мы должны добиться того, чтобы составить ему компанию. Или его сестре, леди Баррингтон. Она – хозяйка прекрасного дома и с влиянием в обществе. Мы должны не отпускать ее от себя и сделать покровительницей Кассандры. Как ты всего это не понимаешь?

– Ты хочешь, чтобы я принесла себя, свое счастье в жертву обществу, чтобы Кассандра могла удачно выйти замуж? Без единой мысли о том, что может сделать ее или меня счастливой?

Рана была страшной, словно в нее все глубже втыкали нож, пока в груди не осталось ни воздуха, ни тепла. Только леденящая боль.

Это далеко выходило за рамки нелепости, это больно. И нечестно.

Отец сказал бы: «В сентябре будет ярмарка, Антигона, девочка моя, так что ты придумай что-нибудь получше». Но она не могла думать. Она едва могла дышать.

– Счастье, – усмехнулась мать. – Ты читаешь слишком много романтической чепухи. Счастье состоит в том, чтобы не упускать подвернувшуюся возможность. И ни в чем ином.

Голос Антигоны звучал неровно, но ее это не волновало, если нужно умолять.

– Пожалуйста, мама. Не требуй от меня этого. Мы прекрасно справимся без лорда Олдриджа. Пройдет время, горе ослабит свои тиски, и мы снова будем счастливы. Пожалуйста. Пожалуйста, выброси из головы мысли о домах, балах и светском сезоне.

– Нет. – Мать повернулась к ней, лицо ее пылало от безрассудной смеси жадности, гнева и отчаянного страха. – Антигона, подумай! Тебе не нужно выходить за него! Тебе лишь нужно походить в невестах. Временно. Пока мы не найдем Кассандре подходящего мужа. Полгода, год, если ты сможешь с этим справиться. – Мать повернулась и принялась шагать

по комнате, ее темный птичий силуэт вырисовывался на фоне окон, длинные черные юбки шелестели у ног. – Три месяца пройдет, пока тебе будет прилично присутствовать на балу, но мы можем использовать это время на планирование и организацию. Мы должны быть представлены леди Баррингтон до того, как она уедет из провинции в Лондон на светский сезон. Да...

У Антигоны было такое ощущение, словно ковер выдернули у нее из-под ног, и сила земного притяжения ослабила хватку.

Она сделала еще одну попытку, нужно попробовать заставить мать слушать:

– Мама, лорд Олдридж явно не из тех, кого можно так легко провести. Ты не считаешь, что грешно так использовать человека? Не то чтобы меня волнуют его чувства – честно говоря, не думаю, что они у него есть, – но лорд Олдридж сражает меня именно тем, что с ним не стоит шутить.

– Тогда не шути. Ты будешь сама благопристойность, доброта и сдержанность. И никаких дерзостей и прямолинейных высказываний.

Антигона пыталась найти логические доводы, чтобы противостоять неразумной, упрямой решимости матери. Все что угодно, чтобы помешать матери толкнуть их на скользкий путь к Торнхилл-Холлу.

– Мама, посмотри на меня. – Антигона указала на свои грязные башмаки и растрепанные волосы. – Ты просишь невозможного.

– В этом нет ничего невозможного, – отрезала мать. – Если только ты будешь доверять мне. Поверишь, что я знаю, как для тебя лучше. Для всех нас.

– Доверять? Мама, ты не можешь ожидать, что я поставлю свое будущее, все свое счастье на то, над чем у тебя нет контроля. – Если раньше Антигоне казалось, что из-под нее выдернули ковер, то теперь земля качнулась у нее под ногами, и она неотвратимо заскользила вниз, прочь от всего, что знала и чего хотела.

– Я могу ожидать. – Мать вихрем повернулась к ней, безжалостная, как хищный ворон. – Обещаю тебе, все будет так, как я сказала. Ты должна сделать это, Антигона Престон, сделать, как тебя просят, хоть раз в жизни не пытайся быть умнее других. Принимай ухаживания лорда Олдриджа. Принимай его подарки. Принимай неожиданную удачу. Ты это сделаешь. – Глаза матери горели решимостью. – Ты сделаешь это для Кассандры, если не для себя. Меньшего ты сделать не можешь.

Слова, которые викарий произнес меньше часа назад, снова всплыли в уме Антигоны. «Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась».

И поскольку она не могла заставить себя согласиться на столь губительный план, Антигона ничего не сказала.

Нет. Хотя горло у нее горело, и голова болела от непролитых слез, Антигона Престон не заплакала. Она не создана для слез.

Она проглотила шершавый камень горя и поставила себе цель – выдержать.

Глава 3

Одной стойкости оказалось мало.

Потому что Антигона ошиблась. Денег действительно не было. Вообще не было.

Для математика, который всегда с наслаждением составлял уравнения с многочисленными переменными и неизвестными, чтобы объяснить природные явления, ее отец, как оказалось, был прискорбно слаб в основах арифметики. В расходных книгах домашнего хозяйства плюсы постоянно не сходились с минусами. Был только малый и крайне рискованный источник дохода. Годами довольно часто в расходных книгах из неизвестных источников появлялась крупная сумма, и семейство Престон оказывалось на плаву именно тогда, когда, казалось, их затягивало в пучину долгов. Но каковы были источники дохода, нигде не записано.

Антигона сосредоточенно изучала книги, просматривала их снова и снова. Ничего.

Если она не узнает, откуда появлялся этот доход, у нее нет надежды его восстановить. Без этих денег, без твердой финансовой опоры Антигоне Престон нечего противопоставить требованиям матери. Нечего!

Как лаконично сформулировала мама, «лорд Олдридж или богадельня».

Хотя Антигона и была импульсивна и достаточно сердита, чтобы рискнуть и плюнуть в лицо судьбе, но стояла зима, и было очень холодно. Даже холодный дом лучше, чем ничего. И одного взгляда на красивую, хрупкую сестру было достаточно, чтобы поставить Антигону на место и убедить согласиться с возмутительным и лживым планом мамы.

Но прошло чуть больше недели, а ее стойкость уже начала давать трещины. За полчаса второго визита лорда Олдриджа Антигона думала, что сойдет с ума только от того, что сидит в гостиной и выслушивает его нелепые мнения обо всем на свете, начиная от надлежащего ведения охоты до надлежащего способа собирания дорогой, но явно бесполезной коллекции шинуазри. Через час она была совершенно уверена, что умрет, отравившись невысказанным сарказмом. Ах, если бы это было возможно! Она осталась жива.

Год, сказала мама. Минимум – шесть месяцев. Она с ума сойдет. Антигоне хотелось с криком выскочить из комнаты. Потому что она, черт возьми, не слишком хорошо справляется с ролью декоративной куклы. Или хорошей барышни. Или послушной. Или тихой.

Даже святые, с их терпением, кротостью и самоотверженностью, не выдержали бы маминых беспрестанных бессмысленных замыслов. При таком обилии безумия время мало помогало ослабить мощную хватку горя. Антигона отдалась созданию жизнеспособной альтернативы плану использовать лорда Олдриджа. Она писала письма в Аналитическое общество, посылала папины работы. Она изводила поверенного, требуя помощи в поисках источников дохода отца. Она засыпала, уронив голову на расходные книги, которые снова и снова изучала в поисках улики, какого-то противоядия от их бедности. Но ничего не находила. И острая боль крушения надежд только нарастала к концу первых трех месяцев траура, наступил март... ревевший как лев.

Точнее, как львица.

– Нам нужно устроить бал, – объявила леди Баррингтон, властная сестра лорда Олдриджа, восседавшая в лучшем кресле маминой чудесной, но холодной гостиной. – Время идет, люди скоро начнут готовиться к переезду в Лондон на светский сезон. Ничто, кроме бала, не задержит их в провинции. Небольшого бала, разумеется, с учетом вашего траура. Мисс Антигона, какая бы она ни была, должна быть представлена соседям. И конечно, прелестная и восхитительная мисс Престон тоже.

Леди Баррингтон была столь же пухлая, сколь ее брат тощий, но оба отличались одинаковой нестигаемой волей и цепкой, как когти ястреба, хваткой. Мама не смела возражать